

УДК 122/129; 17; 340.12
DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.5

АРХАИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Дюжиков Сергей Александрович
доктор философских наук, профессор, заве-
дующий кафедрой прикладной социологии и
медиации Института социологии и регионо-
ведения Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Левашев Дмитрий Николаевич
Соискатель, кафедра философии
и социологии,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия,
e-mail: levashev@mghpu.ru

В представленной статье рассматривается категоризация архаизации правового поведения в зарубежной и отечественной социологической мысли. Автор статьи делает вывод о том, что в изучении архаизации правового поведения актуализируются как классические (структурно-функционалистский и институциональный) подходы, так и структурно-деятельностная парадигма неклассической социологии. Для автора статьи значимым является определение архаизации правового поведения как замещения правовых норм неправовыми, основанными на формах коллек-

ARCHAIZATION OF LEGAL BEHAVIOR AS A SUBJECT OF THEORETICAL REFLECTION

Sergey A. Dyuzhikov
Doctor of Philosophical
Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Dmitry N. Levashev
Degree-seeking Student,
Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University,
Maikop, Russia,
e-mail: levashev@mghpu.ru

In the presented article the categorization of an archaization of legal behavior in foreign and domestic sociological thought is considered. The author of article draws a conclusion that in studying of an archaization of legal behavior approaches, and a structural and activity paradigm of nonclassical sociology are characterised as classical (structural and functionalistic and institutional). For the author of article definition of an archaization of legal behavior as replacements of precepts of law unlawful, based on forms of collective (archaic) experience at formal observance of precepts of law is significant.

тивного (архаического) опыта при формальном соблюдении правовых норм.

Ключевые слова: правовое поведение; архаизация; коллективные формы опыта; социальная рационализация; функции права.

Keywords: legal behavior; archaization; collective forms of experience; social rationalization; functions of the right.

Социология заявляет себя как наука, предлагающая проект социального реформирования общества, приведение общества к константам солидарности, сплоченности и порядка. Очевидно, что эти позиции определяются намерением исследовать динамику общественной жизни с целью выявления общих закономерностей и принципов социального развития.

В классической социологии эта заявка разрабатывается обращением и к проблемам общества, и к проблемам права, имеющим несомненное значение и ценность для выяснения характера составляющих его индивидов и их действий. Все это способствует тому, что в социологических воззрениях Э. Дюркгейма, Г. Тарда, М. Вебера становится ясным, что ни психология индивида, ни абстрактный дух не способны дать ключ к пониманию социальных явлений (История социологии в Западной Европе и США, 2001. С. 64).

Зарубежные теории интерпретации архаизации правового поведения

Сформулированные Э. Дюркгеймом основные положения социологии фактов приводят к тому, что право рассматривается как объективный социальный феномен, имеющий принудительное воздействие на сознание и поведение людей. Э. Дюркгейм являлся свидетелем кризисных явлений в жизни общества, отрицательно относился к противоречиям между трудом и капиталом и считал аномийными формы разделения труда, провоцирующие анархию производства. При этом можно говорить о том, что обращение Э. Дюркгейма к проблеме права и правового поведения определяется как деструктивными, кризисными факторами, связанными с препятствиями на пути органической солидарности и гармонии социальных интересов, так и позитивными, определяемыми авторитетом (влиянием) права.

Право для Э. Дюркгейма и имеет материальное (принуждающее) воздействие, и является зримым символом, по которому можно проследить уровень коллективного сознания, и может быть социологически измерено. Известное положение Э. Дюркгейма о существовании

двух типов права (репрессивное и реститутивное) показывает важность в понимании института права как характеризующего социальные отношения в целом.

Разумеется, когда люди обнаруживают, что им трудно координировать свое поведение в соответствии с нормами, но не возникает эффекта отторжения права, это противоречие реализуется путем установления границ допустимого поведения в соответствии с понятием права, с тем, что может носить характер архаической солидарности.

Теория подражания Г. Тарда в состоянии интерпретировать архаизацию правового поведения как реакцию на актуализацию права в качестве инструмента изобретения. Архаизация поведения использует в качестве образца обычай, с ней связывается то, что можно описать как ситуацию неравенства доступа к правовым ресурсам. Если изобретение идет сверху вниз, то на уровне архаизации правового поведения очевидно, что индивиды, принадлежащие к низшим социальным слоям, вводят в действие сопротивление изобретениям. Право означает принудительное осовременивание жизни, влияние внешних изменений, прежде чем это интериоризируется в поведении, осознании человека.

Архаизация представляет процедуру ссылки на обычай, который действует помимо индивидуального выбора и образует эффект коллективного бессознательного подражания. Для Г. Тарда правовое сознание в контексте механизма подражания проявляется номиналистически в поведении отдельных индивидов, что отрицает дюркгеймианскую трактовку права как символа социальной солидарности и редуцирует право к проявлениям заимствований в поведении людей.

Для Г. Тарда архаизация есть введение в регулирование общества посредством ссылки на коллективные образцы как референтные, обычаи. Публика отличается от толпы тем, что демонстрирует верование в принятие права, способна сформулировать общественное мнение (рациональное объяснение существования права). Для толпы, которая основывается на сходстве, совпадении индивидуальных позиций в понимании обычая как имеющего более сильное значение, чем право, возможность прибегнуть к архаизации является своего рода референдумом о состоянии права.

В том, что Г. Тард пытался определить право как номиналистическую процедуру, есть определенный резон, так как в построении классики, исходящей из объективированности права, незримо присутствует элемент отчужденности от человека. Архаизация если и является протестом против бесчеловечности и бюрократизации права, то это явно модернизаторские интерпретации. В том, что архаизация права

исключена из понимания современного общества и не может относиться к норме социологии, есть рациональный момент. Архаизацию относят к разряду изучения жизни отсталых народов, а для современного общества она выглядит следствием дисфункциональности права, социальной аномийности, проявлений нерастяжения органической солидарности. Г. Тард вносит коррективу в понимание архаизации права в том, что рассматривает архаизацию в системе социальной логики, в то время как нацеленность на принятие права, на правомерное поведение относится к социальной телеологии.

М. Вебер в понимающей социологии описывает право достаточно беспристрастно: право является следствием рационализации общественных отношений; протестующий дух исходит из неприятия железной клетки покорности. Для М. Вебера правомерное поведение соответствует целерациональному типу поведения, связывается с принятием формулы эффективности. М. Вебер, как отмечает немецкий исследователь Д. Кеслер, критически противопоставлял процессам рационализации, установлению бюрократического порядка – порядка как приоритета современной жизни – социально аффективное действие, исходящее из коллективного (архаического) опыта (Немецкая социология, 2003. С. 158).

Отрицая идеализацию архаизации как формы коллективности, М. Вебер рассматривает ее как производную от составляющих поведение отдельных индивидов. Перенос архаизацию правового поведения в сферу понимания мотивации, для М. Вебера наиболее понятным является определение осмысленного действия. Архаизация правового поведения не является и рациональной, хотя ее трудно объяснить с позиции правильной рациональности. В архаизации правового поведения присутствуют действия, которые связаны с непонятными психическими или физическими фактами или с незаметными переходами. Но характеристика архаического поведения возможна по сравнению с целерациональным поведением, где степень правильно рационального приближается к объективности.

Таким образом, Вебер ограничивает возможности понимающей социологии в том, чтобы добиться логики осмысления в отличие от целерационального правового поведения, и в этом смысле не исключает объяснительного воздействия психоанализа. Поскольку Вебер рассматривает правомерное поведение как целерациональное, для него несущественными являются исследование субъективной мотивации как психологической интерпретации, определение значимости института права и то, в какой степени индивиды реально ориентированы на свои действия на право.

Учитывая то, что правовое поведение не соответствует целерациональному типу действия, неоспорим тот факт, что для М. Вебера архаизация, несмотря на малую осознаваемость смысла, пограничность ситуации, может быть вызвана как издержками бюрократизации, так называемым притупленным протестом, так и соответствовать принятию коллективных архаичных форм опыта в качестве привычной позиции в восприятии и оценке права.

В веберовской аналитической конструкции с самого начала поясняется, что архаизация не может быть описанием чисто социального действия. Тем самым утверждается возможность интерпретации архаизации как граничащей с теориями психоанализа и архетипов (З. Фрейд, К. Юнг). Для Вебера важным является то, что наличие субъективного смысла и ориентация на другого содержат возможность описывать архаизацию как сферу социологического анализа. В этом смысле веберовская концепция является концепцией ограниченного действия. Можно привести аргументы в пользу эвристического потенциала исследования архаизации как того, что является антитезой целерационального поведения, правильной рациональности.

Функционалистская трактовка, определение рамок социологии права, изучение функционирования юридических учреждений, развитие правопорядка в частных секторах общества, изучение воздействия права на поведение, изучение права как нормативной системы, определяющей основные общественные институты и способствующей согласованию друг с другом (Американская социология: перспективы, проблемы, методы, 1972. С. 222), примечательны тем, что признаются изучение правопорядка в частных секторах общества и воздействие права на поведение, что содержит легитимацию архаизации права в качестве предмета исследования.

Однако при более детальном рассмотрении обнаруживается, что архаизация правового поведения связана только с приспособлением правовых норм к стремительным социальным изменениям, т. е. подчеркивается ее адаптивная направленность. Нахождение точек соединения правового поведения с архаизацией как процедурой приема коллективных форм опыта, воспринимаемых либо как архаичные, либо как имеющие высокую оценку для индивида, связывается с принятием формулы воздействия права как нормативной системы. Отсюда субъектный тип, субъектная стратегия архаизации правового поведения, которые получают определенную трактовку в теории ограниченного протеста или желания представить обычай образцом поведения, не исследуются в полной мере.

В структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, где право может трактоваться как поле (социальная структура) и одновременно являться сферой восприятия мышления и действия, делает возможным исследование как субъективного представления о праве, так и того, что можно квалифицировать как самолегитимацию права (Коркюф, 2002. С. 44). Связь между двумя состояниями социального – субъективацией и объективацией – содержит возможность воспринимать архаизацию права как следствие габитуса, социальной структуры нашей субъективности, имеющей практический смысл.

Исходя из диспозиционного анализа, можно говорить не о случайности, а об устойчивости архаичных образцов как замещающих правовые нормы. Для цели нашего исследования важно подчеркнуть, что таким образом П. Бурдьё устанавливает необходимость социологического измерения как объективированной структуры, нормативного представления о праве, права как института и субъективного восприятия, т. е. оценки права в представлениях социальных акторов. По этому поводу П. Бурдьё пишет, что социальный актор действует по логике делегирования, с помощью которого одно лицо предоставляет свои полномочия другому лицу (Бурдьё, 1993. С. 233).

Архаизация правового поведения связана с тем, что это делегирование не имеет личностного измерения, что в конкретном контексте действует логика субститутизации: институт права подменяется субститутом обычая. Рассматривая этот момент, следует таким образом учитывать, что стратегии архаизации правового поведения связаны с тем, что механизм правового представительства воспроизводит неравенства агентов. Подразумевается, что акторами права являются те, кто обладает правовой компетентностью, т. е. имеет необходимый культурный капитал.

Таким образом, согласно концепции П. Бурдьё, архаизация правового поведения имеет измерители в отношении к праву как институту представительства, вернее, дефициту института представительства; во-вторых, можно описать степень обозначения определенной группы через принятие коллективных норм опыта. Это может носить характер бессознательного, но имеет осознаваемые последствия. Коллективные формы могут представлять образ общности, существовавшей в прошлом, а не в актуальной действительности (Бурдьё, 1993. С. 113). Архаизация удобна тем, что в состоянии не моделировать определенный образ действий, а подражать им, вернее, изменяться под влиянием тех требований и ожиданий, которые выдвигает обозначаемая группа.

Для Э. Гидденса важным признаком архаизации можно считать ее ориентированность на алгоритмы практического действия. Архаизация может быть отнесена к сфере практического знания – знания, которое обретает характер независимости от ее носителей и имеет определенную логику действий в том, что определяется субъективацией, а не интеграцией права. Это означает, что институт права не способствует в контексте архаизации правового поведения объединению граждан, не делает их осознаваемыми в качестве субъекта права, носителей прав и обязанностей.

Отечественная социологическая традиция понимания архаизации правового поведения

Отечественная социологическая мысль определяет отношение к проблеме архаизации правового поведения в контексте двух позиций. Первая состоит в том, что феномен архаизации правового поведения связан с архаичностью российского общества. В свое время эту идею обосновал А.С. Ахиезер. Этой точки зрения придерживается и Ч. Ламажаа, которая трактует архаизацию как бессознательный спонтанный возврат к примитивным формам организации и самоорганизации.

Сужение проблемы архаизации правомерного поведения к смысловой инверсии, возврата к формам прошлого имеет определенный объяснительный потенциал в том, что закрепляет за российским обществом статус общества немодернизированного. С другой стороны, такое макросистемное объяснение имеет недостатки, связанные с тем, что уже в трудах российской философии права были зафиксированы определенные противоречия между представлением о правопорядке и прочими условиями и факторами общественного развития.

Так, С.А. Муромцев, выдвигая идею организованного правопорядка, отмечал, что в условиях неорганизованности возникает отношение к праву применительно по обстоятельствам. Из этого вытекает, что архаизация правового поведения может рассматриваться как объективно вынужденное. Согласно С.А. Муромцеву, право как совокупность юридических отношений требует не выстраивания нормативной модели, для понимания архаизации нужно исходить из императива защиты интересов определенными группами населения.

В работах М.М. Ковалевского и Н.М. Коркунова, которые в целом разделяют взгляд Дюркгейма на право как продукт развития социальной солидарности, ставится вопрос о том, что право воплощает представления личности о должном порядке общественных отношений. Правовая зависимость определяется не только тем, что индивид

относится к одному обществу, но он может относиться и к ряду сообществ. Поэтому аномия в сфере права может стимулировать обращение к архаизации, замещению коллективными нормами как оптимальным способом разрешения противоречий между нормативностью и эффективностью правовых норм.

Эта же идея подчеркивается в работах Б.А. Кистяковского. Отклик находит соотношение права и нравственности, что делает возможным рассматривать архаизацию как стремление к этизации права, к представлению коллективных форм опыта как норм нравственности, предпочтительных по отношению к формально правовым нормам. Кистяковский имеет в виду и особенность российского правового менталитета: нормы права и нормы нравственности недостаточно дифференцированы. И если интеллигенция склонна к абстрактным возвышенным идеалам, предъявляет обществу критические замечания по поводу неразвитости цивилизованного правосознания, то возможна массовая архаизация правового поведения как результат отклонения принудительного влияния права, усиления ее репрессивной функции.

Плодотворную мысль высказывает Н.А. Шматко, которая, исходя из концепции конструируемых (практических) социальных групп П. Бурдьё, ставит вопрос о том, что в России реальная группа является означаемой конструируемой группой, что возможно возникновение субститутов, представляющих группу как в прошлом, так и в настоящем в ориентированности на будущее. Это возможно благодаря процедурам представительства и делегированности интересов. Большинство групп в российском обществе не стали группами для себя, т. е. субъектами правового действия. Поэтому возможна актуализация социальных архаизмов сознательным образом с целью выражения интересов и ухода от системы делегирования полномочий.

Стратегия архаизации правового поведения, таким образом, заключается в том, чтобы создавать критическую массу давления на организованный порядок с целью принятия государством формулы взаимного нейтралитета. Эта же мысль развивается в работах В.Г. Федотовой, которая указывает, что в посткоммунистической России архаизация осуществляется в форме противопоставления анархии и порядка. Так, В.Г. Федотова пишет, что при доминирующем уровне адаптации в российском обществе можно интерпретировать стремление к анархии в противовес порядку, к воле вместо свободы как массовой реакции на готовность общества действовать правомерно. Эта неготовность определяется тем, что Федотова выдвигает идею архетипического сходства верхов и низов (Рациональность на перепутье, 1999. С. 121).

Анархический (архаический) индивид характеризуется тем, что с постоянством присущей ему черты может быть формой порядка (Рациональность на перепутье, 1999. С. 126). Этот порядок не совпадает с организованным правопорядком и определяется тем, что в отношениях между обществом и государством по договоренности, неформально устанавливается сфера неправовой свободы в том, что выживание и безопасность граждан не имеют отношения к государству (Рациональность на перепутье, 1999. С. 124). Происходит разрыв и с этикой, и с правом. Архаизация приобретает форму достижения непосредственной справедливости в обществе, когда государство рассматривается как всегдашний источник несправедливости (Рациональность на перепутье, 1999. С. 120).

Таким образом, архаизация, отождествляемая с анархической личностью, с анархизмом как формой проявления особого порядка, определяется, во-первых, тем, что в России право есть архетипическая солидарность власти и общества по поводу невозможности построения правового государства; во-вторых, тем, что отношения государства и личности характеризуются известным антагонизмом справедливости/несправедливости; в-третьих, тем, что возможность исследования архаизации связана с определением правовой реальности, которая имеет презентативность через отношения государства и личности.

Ж.Т. Тощенко предлагает рассматривать травму антиномии как новой черты общественного сознания и поведения в России, определяет показания, состояния и тенденции общественного сознания и поведения как причудливого сочетания оценок и комбинаций (размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценных ориентаций, установок социального настроения, общественных и личных интересов) (Тощенко, 2015. С. 14).

Таким образом, можно говорить и об адаптивной, и о намеренной формах архаизации. Слабое государство и присутствие критичности, которая связана с позицией не активного вмешательства, а дистанцированности, приводят к тому, что институт права не воспринимается как институт социальной коммуникации. Это вписывается в общую оценку правовой сферы. При ощущении нарушений социальной справедливости наблюдается перемотивация в правовом поведении на образцы и обычаи, которые сочетают противоречивость оценок правовой ситуации: с одной стороны, критики правового неравенства, с другой – возможности в условиях неопределенности примирить сумятицу правовых убеждений и взглядов с

отношением к повседневной жизни. Поэтому архаизация может считаться как следствие многообразия в обществе различных взглядов на правовую систему и правопорядок.

Поэтому вполне объяснимо, что присутствие взаимоисключающих оценок ослабляет универсализацию отношения к праву и правовому поведению и содержит возможность для архаизации правового поведения определенными социальными группами. К этим группам, если исходить из выводов Ж.Т. Тощенко, относят тех, кто имеет небольшие притязания к жизни, включен в систему самоадаптации и, следовательно, ориентирован на правовую автаркичность; с другой – группы, которые могут преследовать взаимоисключающие цели, использовать архаизацию в качестве повышения оценок возможностей своей социальной позиции.

Таким образом, можно говорить о том, что выявлены факторы, способствующие архаизации правового поведения, что связано, с одной стороны, с деформацией (дезориентированностью) общественного сознания, утерей смысла права как регулятора общественной жизни; с другой – субъективные, определяющие возможность примирения противоречащих оценок права, включающих как признание неуниверсальности права, так и применение архаичных образцов по отношению к конкретным жизненным ситуациям.

Важным социологическим фактом является то, что ухудшение социального самочувствия связано с сужением каналов социальной мобильности, что ведет к консервации социальных притязаний и усиливает притягательность коллективных форм, содержащих возможность стабильного социального самочувствия. По данной исследовательской схеме можно говорить о корреляции показателей социального самочувствия и социальной самооценки с отношением к праву как нормативной системе к тому, как функционирует нормативный институт права, каким образом право как регулятор общественной жизни оказывает влияние на установление частных, включающих или снижающих влияние права, порядков.

Между тем правовая система нуждается не столько в приведении к формуле правового государства, сколько в том, чтобы стать, по мнению профессора В.В. Лапаевой, легитимизацией социальной системы. Можно констатировать, что В.В. Лапаева определяет право в рамках отхода от советской традиции видеть в праве не только социальную обусловленность, но и ключевой вопрос, который стоит перед преобразованием права, состоит в том, чтобы уходить от действительности законодательства (Лапаева, 2000. С. 165) и рассмат-

ривать право как правопонимание, рассматривать проблемы правопонимания, ориентированного на право в действии.

При этом следует, очевидно, исходить из того, что необходимо введение понятия групп интересов – групп, которые артикулируют свои интересы, т. е. выражают их как настоятельные требования. Рассмотрение В.В. Лапаевой проблем принятия законодательных правовых решений на основе изучения правообразующего интереса подвигает ее к тому, чтобы рассматривать и анализировать архаизацию правового поведения в контексте действия групп интересов, т. е. выводить формулу конструируемой архаизации.

Конкретизируя это положение, автор говорит о конкретных проявлениях общеправового принципа формального равенства и той сложности, которая связана с распределением правовых ресурсов. Место права в системе социальных связей требует рассмотрения социальных предпосылок формирования права, а с другой стороны, социальных последствий действия права и проблемы эффективности законодательства. Для В.В. Лапаевой архаизация правового поведения связана с воздействием второго фактора – неэффективность права может привести к архаизации общественных отношений, т. е. в самой природе права можно усмотреть источник архаизации.

Об этой особенности действия правовых механизмов говорил В.С. Нерсисянц, для которого опыт советского легизма подсказывает освобождение от комплекса социальной неполноценности права и необходимость рассмотрения неправового механизма как способа разведения права и нравственности. Необходимость выхода за социально-исторические рамки социализма как правоотрицающего переходного строя (Нерсисянц, 1998. С. 105) требовала обоснования понимания права как всеобщей формы и равной меры свободы индивида.

Таким образом, можно сказать, что отечественная социологическая традиция исходит из двух трактовок архаизации правового поведения. Первая связана с институциональным подходом, с отрицанием значения института права и его маргинализацией в общественной жизни, что способствует выделению источника архаизации в недостаточном воздействии права на формирование правообразующего интереса. Другой подход, характеризуемый как субъектно-оценочный, заключается в том, что восприятие права характеризуется образами права в определенных группах населения и

теми ожиданиями, которые разделяются по поводу реализации права как меры достижения равенства и свободы человека.

Литература

Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972. 392 с.

Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г.В. Осипов. М. : Норма, 2001. 576 с.

Коркюф Ф. Новые социологии / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2002. 172 с.

Лапаева В.В. Социология права / под ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2000. 304 с.

Немецкая социология / Р. Шпакова, Ю. Перов, Ф. Крузе [и др.]; под ред. Р.П. Шпаковой. СПб. : Наука, 2003. 561 с.

Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма – Инфра-М, 1998. 652 с.

Рациональность на перепутье. М. : РОССПЭН, 1999. 368 с.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

References

American sociology: perspectives, problems, methods (1972). Moscow: Progress.

Bourdieu, P. (1993). Sociology of politics. Comp., General editorship and Foreword. N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos.

History of sociology in Western Europe and the United States (2001). In G.V. Osipov (Ed.). Moscow: Norma.

Korkut, F. (2002) New sociology. In E.D. Voznesenskaya, M.V. Fedorova; N.A. Smatko (Ed.). Moscow: Institute of experimental sociology; St. Petersburg: Aletheia.

Lapaeva, V.V. (2000). Sociology of law. In V.S. Nersesyants (Ed.). Moscow: Norma.

German sociology (2003). In R. Shpakova, Y. Perov, F. Kruse [et al.]; R.P. Shpakova (Ed.). St. Petersburg: Nauka.

Nersesyants, V.S. (1998). Philosophy of law. Moscow: Norma-Infra-M.

Rationality at the crossroads (1999). Moscow: ROSSPEN.

Toschenko, Zh.T. (2015). Phantoms of Russian society. Moscow: Center for social forecasting and marketing.

Поступила в редакцию

30 ноября 2018 г.